
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

УДК 821.521

DOI: 10.31249/lit/2025.04.08

БОРИСОВА А.С.¹ ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ-САМУРАЙ И ТИРАН-УЗУРПАТОР: ОБРАЗ ТАЙРА-НО КИЁМОРИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ©

Аннотация. Тайра-но Киёмори (1118–1181) стал первым самураем – фактическим правителем Японии, а позже его клан проиграл междоусобную войну роду Минамото, что стало началом эпохи сёгуната. В японской историографии и литературе Киёмори представлен одновременно как лидер, добившийся могущества благодаря воинским качествам и покровительству богов, и тиран, гордыней и жестокостью приведший клан к гибели.

Дается анализ основных черт образа Киёмори в японских исторических трактатах и воинских повестях. Также приведены основные сюжеты и апокрифы, связанные с Киёмори, в текстах трех средневековых воинских повестей XIII–XIV вв.: «Хогэн моногатари», «Хэйдзи моногатари» и «Хэйкэ моногатари». Показаны аспекты двойственности образа, в том числе выраженной через трансгрессивное поведение Киёмори и его неортодоксальное взаимодействие со сверхъестественным.

Ключевые слова: Средние века; японская литература; *гунки-моногатари*; Тайра-но Киёмори; самурай.

Для цитирования: Борисова А.С. Первый правитель-самурай и тиран-узурпатор: образ Тайра-но Киёмори в литературной традиции средневековой Японии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная

---

¹ **Борисова Анастасия Сергеевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; alainnthebard@gmail.com

© Борисова А.С., 2025

и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 131–142. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.08

Поступила: 16.07.2025

Принята к печати: 31.07.2025

BORISOVA A.S.¹ First samurai ruler and tyrannical usurper: the image of Taira no Kiyomori in the literary tradition of medieval Japan©

Abstract. Taira no Kiyomori (1118–1181) became the first samurai to hold actual power in Japan, and later, his clan lost a civil war to the Minamoto clan, marking the beginning of the shogunate era. In Japanese historiography and literature, Kiyomori is portrayed simultaneously as a leader who achieved power through martial prowess and divine patronage, and as a tyrant whose pride and cruelty led his clan to destruction.

The article analyzes the main characteristics of Kiyomori's image in Japanese historical treatises and warrior tales. It also presents the key plots and apocrypha related to Kiyomori found in the texts of three medieval warrior tales from the thirteenth to fourteenth centuries: *Hōgen Monogatari*, *Heiji Monogatari*, and *Heike Monogatari*. Aspects of the duality of his image are illustrated, including his transgressive behavior and his unorthodox interactions with the supernatural.

Keywords: Middle Ages; Japanese literature; gunki monogatari; Taira no Kiyomori; samurai.

To cite this article: Borisova, Anastasia S. “First samurai ruler and tyrannical usurper: the image of Taira no Kiyomori in the literary tradition of medieval Japan”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2025, pp. 131–142. DOI: 10.31249/lit/2025.04.08 (In Russian)

Received: 16.07.2025

Accepted: 31.07.2025

Введение

Тайра-но Киёмори (1118–1181) – одна из самых ярких и противоречивых фигур конца исторического периода Хэйан (793–1185), когда происходил распад политической системы, сосредоточенной вокруг аристократического клана Фудзивара, и набирало

---

¹ **Borisova Anastasia Sergeevna** – PhD in Philology, senior lecturer at the Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies of M.V. Lomonosov Moscow State University; alainthebard@gmail.com

© Borisova A.S., 2025

силу воинское сословие. Киёмори был первым самураем, кому удалось выдать дочь за императора, стать дедом следующего императора и занять при дворе положение фактического правителя, что раньше было доступно только представителям Фудзивара. Образ Киёмори и его роль в последовавшем конфликте самурайских кланов Тайра и Минамото, который привел к установлению в Японии первого сёгуната, занимает важное место и в исторической, и в литературной традиции Японии.

При всей значимости Киёмори как деятеля существует не так много научных работ, посвященных отдельно его образу и в хрониках, и в литературе. Д.Т. Бялок осветил связанные с Киёмори апокрифы в одном из разделов монографии *Eccentric Spaces, Hidden Histories: Narrative, Ritual, and Royal Authority from The Chronicles of Japan to The Tale of the Heike*, посвященной ритуальным и символическим аспектам правления в исторических хрониках и воинских повестях [Bialok, 2007]. М. Ногуты пишет о взаимоотношениях Киёмори – представителя самураев запада Японии – и восточных провинций [Ногуты, 2012], Х. Вакабаяси рассматривает перенос Киёмори столицы из Киото в Фукухару [Wakabayashi, 2015]. В монографии об историческом восприятии клана Тайра под редакцией М.С. Адольфсона и Э. Коммонс уделяется внимание и фигуре Киёмори [Lovable losers, 2015].

Литературные образы Киёмори упоминаются в работах В.Н. Горегляда [Горегляд, 1997, с. 233–235], Н.Н. Трубниковой и М.С. Коляды [Трубникова, Коляда, 2017, с. 76]. В настоящей статье планируется проанализировать основные черты образа Киёмори в памятниках средневековой литературы (в первую очередь в воинских повестях) и дать общую характеристику образа.

Исторический контекст деятельности Тайра-но Киёмори и его изображение в исторических текстах

Противоречивые оценки фигуры Киёмори связаны не только с поражением клана Тайра в феодальном конфликте, но и с японскими представлениями о достойном правителе и роли воинов в обществе. Воинское сословие начало формироваться в VIII в. на границах Японии, особенно активно на северо-востоке, где продолжались конфликты с аборигенами эмиси и мятежниками [Тёрнбулл, 1999, с. 28–30].

Родоначальниками клана Тайра были внук императора Камму (735–806) принц Таками и его сын Такамоти, закрепившиеся на

северо-востоке Японии. Среди потомков Такамоти был известный мятежный полководец Тайра-но Масакадо (ок. 900/903 – 940), позже одна из ветвей клана Тайра, возглавляемая Тайра-но Корэхира, закрепились уже в центре Японии (в провинции Исэ), а праправнук Корэхира, Тадамори, стал отцом Киёмори.

Как пишет С. Тёрнбулл, были сомнения по поводу отцовства Тадамори, потому что матерью Киёмори была императорская наложница, которую император Сиракава отдал в жены Тадамори в награду за усмирение пиратов, и сын родился ровно через девять месяцев [Тёрнбулл, 1999, с. 44]. В юности Киёмори служил во дворце, в 1146 г. одержал победу в стычке с монахами-воинами храма Энрякудзи, в 1156 г. в схватке между двумя экс-императорами Го-Сиракава и Сутоку, сыном Го-Сиракава (смутой годов Хогэн), был на стороне победителя Го-Сиракава и возглавил клан Тайра после казни дяди, поддержавшего Сутоку. В следующей смуте годов Хэйдзи в 1160 г. Киёмори одержал верх над кланом Минамото и влиятельными деятелями из клана Фудзивара, и к 1180 г. он стал фактическим правителем Японии: его малолетний внук Антоку взошел на престол, а возглавлявший придворных экс-император Го-Сиракава был отправлен под домашний арест.

Уцелевшим членам рода Минамото удалось в том же году поднять восстание, в ходе которого Киёмори приказал сжечь монастыри, поддержавшие его противников, но тяжело заболел и умер уже в начале следующего года.

Исторический образ Киёмори как тирана окончательно оформился после победы клана Минамото и полного разгрома Тайра: Киёмори первым за долгое время не только приказал казнить собственного дядю, но и был причастен к казням противников (на протяжении большей части эпохи Хэйан действовал запрет на смертную казнь, который не соблюдался строго, но предписывал большую часть смертных приговоров заменять ссылкой [Грачёв, 2021]), по его приказу были сожжены крупные храмы (Жофукудзи, Тодайдзи). *Сэнто* (перенос столицы) приравнивался к бедствию, и монах-литератор Камо-но Тэмэй в мемуарном эссе *дзуйхицу* «Записки из кельи» перечислял *сэнто* в одном ряду с такими «знамениями», как пожар, тайфун, голод, землетрясение тех же лет [Wakabayashi, 2015, p. 1, 3]. Также Киёмори считался узурпатором императорской власти, хотя и сам номинально был потомком императорской семьи, в 1180 г. принц Мотихито, один из сыновей Го-Сиракава, выдвинул это как основное обвинение, когда призвал к восстанию против Киёмори [Тёрнбулл, 1999, с. 56].

Монах Дзиэн из рода Фудзивара, создавший философскую концепцию японской истории, в труде «Гукансё» («Личные записки», ок. 1220–1221) классифицирует эпохи по особенностям проявления и влияния принципов мироздания *до:ри*, среди которых особенно выделяет категории скрытых и явных. Историю, согласно его взглядам, определяют именно эти жесткие правила, и период прихода к власти Киёмори, войны Тайра и Минамото и правления первого сёгуна Минамото-но Ёритомо он характеризует как время господства единого Принципа, который утверждает победитель в схватке двух сильных групп [Федянина, 2015, с. 152]. Хотя Дзиэн констатирует неизбежность появления подобных исторических фигур, все равно считает наиболее согласным с вселенскими принципами правление императоров с опорой на Фудзивара [Федянина, 2015, с. 158]. О предполагаемой судьбе духа Киёмори Дзиэн пишет отдельно, что тот превратился в дракона, тогда как души его погибших потомков и родственников стали «гневыми духами», наводившими беды на страну [Федянина, 2011, с. 123].

Более позитивный образ Киёмори встречается в собрании поучительных историй сэцува «Дзиккинсё» («Сборник наставлений в десяти разделах», 1252), составленном как руководство для воспитания юных воинов. В рассказе 7–27 делается акцент на свойственной Киёмори «чуткости» *кокоробасэ* – важном качестве военного лидера, которое выражается во внимании и милосердии к слугам и вассалам [Трубникова, Коляда, 2017, с. 76]. Киёмори, согласно «Дзиккинсё», не повышал голоса на подчинённых даже в случае промахов и не будил заснувших в зимний мороз часовых [Geddes, 1987, p. 166].

Образ Киёмори в воинских повестях

Воинские повести *гунки-моногатари* как жанр возникли во второй половине эпохи Хэйан, когда набирало силу воинское сословие и происходили внутренние конфликты с участием самураев, а окончательно сложились в следующую эпоху Камакура (1185–1333) при сёгунате. Значительная часть *гунки* XIII–XIV вв. посвящена конфликту Тайра и Минамото и его предпосылкам, и впервые образ Киёмори появляется в «Хогэн моногатари» («Повесть о смуте годов Хогэн», начало XIII в.), где Киёмори и Ёситомо, глава клана Минамото, еще выступают союзниками. Там Киёмори упомянут как проходной персонаж, кратко описаны его победа над сторонниками Сутоку и казнь дяди.

Гораздо ярче Киёмори показан в «Хэйдзи моногатари» («Повесть о смуте годов Хэйдзи», создана чуть позднее «Хогэн моногатари»), в которой описан конфликт, с которого началось прямое противостояние Тайра и Минамото. Киёмори в паломничестве немедленно реагирует на известие о том, что Ёситомо с союзниками атаковал дворец Сандзё и похитил экс-императора Го-Сиракава, и организует выступление отрядов, причем отдельно упомянута его молитва в храме божества Инари. В сцене сбора лояльных ему воинов и чиновников он выступает полководцем, который гордится статусом главы самурайского клана: «Перед воротами Рокухара негде было поставить коня или повозку; все, вплоть до нижних чинов в пёстрых одеждах, в шлемах с завязанными тесёмками толпились и шумели от ограды поместья и до речного берега. Киёмори при виде этого радовался: “Вот она, слава нашего рода, честь тех, кто владеет луком и стрелами!”» [Повесть о смуте годов Хэйдзи, с. 77] Он лично даёт бой войскам Минамото и стыдит своих воинов за то, что так близко подпустили противника.

Во второй половине повести описывается и жестокость Киёмори: он твердо намерен казнить подростка Ёритомо, старшего сына убитого Ёситомо, велит пытать мать Токивы, жены Ёситомо, чтобы узнать, где скрывается Токива с младшими детьми, а потом делает Токиву наложницей. При этом черты сентиментальности и *кокоробасэ* сохраняются: он плачет от сочувствия к маленьким детям Токивы и оставляет их в живых, хотя двор и властный экс-император настроены к ним враждебно, по просьбе мачехи сохраняет жизнь Ёритомо.

Есть в старых редакциях повести и указания на покровительство сверхъестественных сил, когда Киёмори получает священную реликвию – мощи Будды, которые Царь Драконов у водоппада Миноо передает Цунэфуса, вассалу Тайра. Обладание этой реликвией выступало в хрониках как аргумент в пользу императорского происхождения Киёмори [Bialok, 2007, p. 300–301].

В финале повести итог конфликта, когда Ёритомо и один из младших детей, Усивака-Ёсицунэ, сыграют ключевую роль в падении Тайра, подается даже с сочувствием к Киёмори, хотя повесть написана уже при камакурском сёгунате: «Когда Судья Куро Ёсицунэ был еще младенцем за пазухой у матери, Вступивший на путь Великий министр Киёмори его пожалел, не зная, что именно он уничтожит потомков Киёмори» [Повесть о смуте годов Хэйдзи, с. 224].

Образ Киёмори как гордого деспота сложился в «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра», XIII – первая половина XIV в., авторство приписывается монаху Юкинага), масштабном эпосе, посвященном истории войны Тайра и Минамото, известном во множестве версий и списков от рассказов-*катаримONO* для устного исполнения до объемной литературной хроники «Гэмпэй дзёсуйки» («Записи о расцвете и упадке Минамото и Тайра») в 48 томах. Литературовед Исимода Сё выделяет в романе три сюжетные части, первая из которых посвящена фигуре Киёмори и показывает его путь от успешного властителя до охваченного страстями тирана [Горегляд, 1997, с. 233]. Путь Киёмори к власти и его характер в молодые годы показаны в относительно позитивном ключе: в «Гэмпэй дзёсуйки» даже есть пересказ сверхъестественного эпизода, где Киёмори на охоте приказывает пощадить лису, в облике которой скрывалось грозное божество Дакинитэн (почиталось в тантрическом буддизме), наградившее его за это покровительством. При этом почитание и Дакинитэн, и еще одного буддийского божества, видья-раджи Дайтоку-Мёо (Ямантаки), которому Киёмори также якобы был обязан успехом, в «Дзёсуйки» мотивировано не религиозным чувством, а стремлением преуспеть в мирских делах [Minobe, 1982, p. 219].

В редакциях романа Энгё-бон и Какуити-бон приводятся и более замысловатые мистические эпизоды, связанные как с тантрической школой сингон, так и с одной из самых влиятельных школ японского буддизма – тэндай. Синкретическое учение *сюгэндо*, которое включало верования и обряды, ориентированные на воинскую культуру, и достижение просветления и чудесных способностей через неортодоксальные и трансгрессивные практики, было аффилировано и с тэндай, и с сингон [Горбылев, 2010]. Один из таких эпизодов описывает демонстративное нарушение буддийских запретов, которое тем не менее обеспечило Киёмори милость свыше. Во время паломничества в Кумано для поклонения божеству Кумано Гонгэн в лодку Киёмори запрыгнул огромный морской судак (яп. *судзуки*). Киёмори посчитал это знаком от бога и съел рыбу вместе со своими близкими, несмотря на то что в паломничестве нужно было воздерживаться от животной пищи. Помощь Кумано Гонгэн принесла ему поддержку местных кланов, среди которых был и клан Судзуки, а позже и власть в стране [Kumano World]. Второй эпизод рассказывает о мистическом путешествии-сновидении монаха Сонъэ с горы Хиэй (центр школы тэндай), в котором он попадает в загробный мир к Эмма-о (Яме),

верховному судье буддийского ада, и Эмма-о говорит о Киёмори как о покровителе учения и реинкарнации Дзиэ (известного также как Рёгэн, 912–985), 18-го патриарха тэндай. Фигура Дзиэ примечательна своей неоднозначностью: в буддийском предании он остался и как выдающийся настоятель, возродивший главный монастырь тэндай, и как пугающий защитник, принимающий облик рогатого демона, чтобы изгонять вредоносных духов, а позже ему приписали и создание первых отрядов монахов-воинов *сохэй*. В стихотворении, которое Эмма-о передает Сонъэ, двойственность утверждается прямо: Дзиэ в облике Киёмори «явился как великий полководец, и его злые дела приносят благо живым существам» [цит. по: Bialok, 2007, р. 304–305], причем Киёмори, получив стих от Сонъэ, оказывается доволен описанием. Здесь в образе Правителя-инока соединяется аналогия с Девадаттой, двоюродным братом и учеником Будды, чудотворцем, а позже отступником [Bialok, 2007, р. 314], и парадоксальное буддийское представление о иллюзорности дуализма благого и дурного.

В редакции Энгё-бон свой воинский дух и гордыню Киёмори получает в тридцать семь лет, услышав во сне таинственный голос и проглотив «природу война» в виде трёх птиц [Bialok, 2007, р. 280]. От богини фамильного храма Ицукусима он таким же чудесным образом получил украшенную серебром алебарду, причем почитание богини тоже завязано на практики эзотерического буддизма школы сингон: Киёмори встречает дух основателя сингон, знаменитого монаха Кукая, и взялся нарисовать для храма на горе Коя мандалу, собственной кровью написав на ней венчик вокруг головы Будды Амиды (Амитабхи), а позже восстановил храм и провел ночное бдение в Ицукусиме, как повелел ему Кукай [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 138–139].

Тема «власти через трансгрессию» видна в эпизоде с *кабуρο*, юношами-подростками на службе Правителя-инока, которые выступали как шпионы и боевики. *Кабуро* демонстративно нарушают правила субординации, красный цвет их одежды в редакции Энгё-бон ассоциируется с киноварью даосских чудотворцев, демоническим началом и связью Кэйваку (планеты Марс) с бедствиями и восстаниями. Создание отряда *кабуро* получает обоснование в виде китайского предания о том, как министр, а позже император Ван Ман (45 до н.э. – 23) подстроил знамение, напоив беременных женщин смесью киновари и эликсира бессмертия, чтобы у них родились дети красного цвета, похожие на демонов [Bialok, 2007, р. 281–284]. Биография Ван Мана во многом похожа на Киёмори –

фактический правитель при слабых императорах, который позже совершил переворот и сам сел на престол, проводил ряд реформ, но в ходе масштабного восстания был убит. В этой исторической ассоциации соединяются и стремление Киёмори к успеху и его управленческие инициативы, и связь с императорской семьей, и падение Тайра как итог узурпации власти.

В отличие от «Хэйдзи моногатари», в эпизоде описания смуты годов Хэйдзи участие Киёмори в вооруженном конфликте осуждается, даже Сигэмори, старший сын Киёмори, называет это неподобающим и с буддийской, и с конфуцианской точки зрения: «Ваше появление здесь в полном боевом снаряжении наводит меня на мысль, что рассудок ваш помутился! ...никогда еще не бывало, чтобы правитель, стоящий во главе государства, облачался в боевые одежды, надевал шлем и латы! Вам в особенности сие не подобает – ведь вы носите духовное звание! А вы, невзирая на это, готовы, разом изменив облик, сбросить рясу, священное одеяние, символ прозрения бесчисленных будд всех трех миров! Вы готовы надеть доспехи, взять в руки боевой лук и стрелы! Вы не только совершаете тяжкий грех, без стыда нарушая Пять основных заветов Будды, но и предаете забвению Пять Постоянств, которым учит Конфуций, – человеколюбие, долг, ритуалы, мудрость и верность» [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 98]. Это перекликается и с двойственностью оценки Дзиэ как основателя традиции боевых монахов.

Поведение Киёмори в роли фактического правителя описывается уже со все возрастающим осуждением: он нарушает принятые в обществе правила, враждуя с монастырями, пытаясь перенести столицу, расправляясь с противниками. В литературной и театральной традиции известна попытка аристократов свергнуть Правителя-инока в июне 1177 г., известная как смута Сисигатани. Заговорщики были разоблачены, а трое предводителей – сосланы на «Остров Демонов» (один из небольших островов между Кюсю и Окинавой). Позже двоих Киёмори помиловал, опасаясь, что роды дочери-императрицы проходят тяжело из-за гнева изгнанников, а третий, монах Сюнкан, остался и заморил себя голодом от горя. Это грозит навлечь беду на весь род: «Страшно думать, что ждет дом Тайра, причинивший такие страдания людям!» [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 153] Сигэмори молится божеству Кумано, пытаясь избежать бед, и в молитве решается осудить поведение отца, несмотря на предписания сыновней почтительности: «Отец мой, Правитель-инок, ожесточился сердцем, действует безрассудно, то

и дело повергая в скорбь самого государя... Уж теперь, при жизни, его поступки угрожают процветанию нашего рода; тем большая опасность подстерегает всех нас после его кончины» [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 154].

Тема демонического продолжает ассоциироваться с Киёмори: «Люди шептались, что демон вселился в душу Правителя-инока, неукротимый гнев пылает у него в сердце» [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 170]. Неподобающее поведение Киёмори, уже принявшего постриг, называется греховным, подчеркивается, насколько недостойно он распорядился полученным могуществом. В послании монахов монастыря Кофукудзи (фамильного храма рода Фудзивара) описаны все злодеяния Киёмори как тирана: «Ибо Киёмори – это плевела рода Тайра, грязь, марающая сословие самураев!.. Больше того, он подчинил себе всю страну, раздаёт должности и чины по своему единоличному усмотрению и помыкает государственными чиновниками, как своими рабами. Стоит лишь немного послушаться его воли, как непокорного бросают в темницу, каким бы знатным он ни был, а если кто-нибудь скажет хоть словечко наперекор, его тотчас хватает стража, будь то даже самый знатный придворный. Ныне сам государь Го-Сиракава расточает лезть Киёмори, дабы уберечься от смерти или позора, а благородные господа, потомки древних родов, униженно преклоняют перед ним колена, даже когда у них отнимают наследственные имения! Даже когда Киёмори грабит земли, принадлежащие государю, никто не смеет вымолвить хотя бы слово протеста, ибо все трепещут перед могуществом Тайра! Дерзость Киёмори дошла до таких пределов, что в одиннадцатую луну минувшего года он насильно переселил государя-инока Го-Сиракаву из его собственного дворца в загородную усадьбу Тоба и обрек на ссылку канцлера Мотофусу. Ни в наше время, ни в старину нет и не было столь дерзкого превышения власти!» [Там же, с. 205–206] Узурпация императорской власти уже не оправдывается даже гипотетическим статусом императорского сына, хотя именно рождению от императора приписываются все успехи Киёмори.

Зловещие знамения предсказывают скорые беды клана Тайра: ночные кошмары воинов, явления страшных призраков, на которые Киёмори реагирует с присущей ему гордыней: «Однажды ночью в опочивальню Правителя-инока внезапно просунулась огромная, чуть ли не во весь покой, рожа и в упор воззрилась на князя. Но Правитель-иннок, ничуть не дрогнув, устремил на нее суровый взор, и привидение исчезло...» [Повесть о доме Тайра, 1982,

с. 235]. Один из самураев видит сон, в котором божество Ицукусимы, покровительствующее Тайра, изгоняют из собрания богов, а потом таинственно исчезает алебарда, дар богини. Он остается трансгрессивной фигурой, но нарушение правил больше не приносит ему успехов, и даже попытки что-то изменить после того, как Ёритомо поднимает восстание (например, возвращение столицы в Киото), уже не помогают.

Болезнь, от которой умирает Киёмори, связана в предании с возмездием за сожжение храма Тодайдзи в Нара, одного из старейших и наиболее значимых буддийских храмов в Японии. Гиперболизированное описание лихорадки, от которой от тела Киёмори идёт дым и становится невозможно даже подойти к его постели, ассоциируется с адским пламенем, в котором великий грешник горит ещё при жизни, а жена Правителя-инока Ниидоно видит во сне адскую колесницу и узнает, что Эмма-о уже принял решение отправить Киёмори в ад. Последнее желание Правителя-инока тоже далеко от благочестия: «Лишь об одном жалею – что не довелось мне увидеть отрубленную голову Ёритомо, жителя края Идзу! Только это мешает мне умереть со спокойной душой! После моей смерти не воздвигайте храмов и пагод, не служите заупокойную службу! Без промедления отрядите сильное войско, снесите голову Ёритомо и повесьте над моею могилой! Это будет мне лучшее утешение! – так сказал он, и поистине греховное то было желание!» [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 290]. Так как одна из основных тем романа – бренность мирского успеха и процветания, в тексте особо выделяется скоропостижная смерть Киёмори и крушение всех его планов.

Заключение

В литературной традиции историческая фигура Киёмори обросла множеством апокрифов и символических ассоциаций. В силу того что Правитель-иннок одновременно был первым представителем воинского сословия на вершине власти и противником клана Минамото, в воинских повестях присутствует двойственность образа: подчеркивается целеустремленность, отвага и чуткость, но при этом без прикрас описаны гордыня и злоупотребление властью, приведшие род к плачевному концу. Религиозно-мистические сюжеты о Киёмори отражают эту же двойственность: он одновременно неортодоксальный чудотворец и носитель демонической природы, получающий за грехи наказание свыше. Также образ Киёмори по-

казан переходным звеном между властью родовой знати и самураев, так как легендарно-литературный Киёмори одновременно сын императора и носитель воинских ценностей.

Список литературы

1. Горбылев А.М. Ямабуси // Ниндзя: боевое искусство [Электронный ресурс]. – Москва : Яуза, 2010. – URL: https://oldevrasia.ru/library/Aleksey-Gorbylev_Nindzu-a-boeovoe-iskusstvo/25 (дата обращения 14.07.2025)
2. Горегляд В.Н. Японская литература VIII–XVI вв. – Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 400 с.
3. Грачёв М.В. Смертная казнь и ее применение в эпоху Хэйан, (794–1185) // Вопросы философии. – 2021. – № 6. – С. 163–172.
4. Кумано-но моногатари. Кумано то Хэйкэ [Рассказы о Кумано. Кумано и клан Тайра] // Kumano World [Электронный ресурс]. – URL: <http://kumano-world.org/J-Html/heike.html> (дата обращения 10.07.2025)
5. Ногутти М. Тайра-но Киёмори то Адзума-но куни-но буси: Фудзи•Касимаса санкэй кэйкаку-о тю:син-ни [Тайра-но Киёмори и самураи из восточных провинций: о планах паломничества на гору Фудзи и в храм Касима] // Ричумэйкан бунгаку. – 2012. – № 624. – С. 537–546.
6. Повесть о доме Тайра. – Москва : Художественная литература, 1982. – 703 с.
7. Повесть о смуте годов Хэйдзи. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2010. – 287 с.
8. Тёрнбулл С. Самураи. Военная история. – Санкт-Петербург : Евразия, 1999. – 432 с.
9. Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Воинский взгляд на мир в сборниках поучительных рассказов XIII в. // Историко-философский ежегодник. – 2017. – С. 70–93.
10. Федянина В.А. Концепция «гневных духов» в исторической теории монаха Дзиэн // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 118–126.
11. Федянина В.А. Концепция управления Японией в историческом труде Дзиэна «Гукансё» // Вопросы философии. – 2015. – № 7. – С. 150–159.
12. Bialok T.D. The apocryphal history of Kiyomori // Eccentric spaces, hidden histories narrative, ritual, and royal authority from the chronicles of Japan to the Tale of the Heike. – Redwood City : Stanford univ. press, 2007. – P. 272–318.
13. Lovable losers: the Heike in action and memory / ed. by Adolphson M.S., Commons A. – Honolulu : Univ. of Hawai'i press, 2015. – 286 p.
14. Geddes W. The courtly model. Chōmei and Kiyomori in Jikkinshō // Monumenta Nipponica. – 1987. – Vol. 42, N 2. – P. 157–166.
15. Minobe S. The world view of “Genpei Jōsuiki” // Japanese journal of religious studies. – 1982. – Vol. 9, N 2/3. – P. 213–233.
16. Wakabayashi H. Disaster in the making: Taira No Kiyomori's move of the capital to Fukuhara // Monumenta Nipponica. – 2015. – Vol. 70, N 1. – P. 1–38.